

Н.А. Крымова

Настасья Филипповна

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА — героиня романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Первым произносит это имя молодой купец Парфен Рогожин, рассказывая, как увидел ее и как его «тут и прожгло». У Юрия Олеши сказано: «вздогнувшее в строчке имя Настасьи Филипповны»; «кажущееся лиловым имя, от которого то тут, то там вздрагивают строчки». Она еще долго не появится, не заговорит. Но князь Мышкин уже узнает, как может «прожечь» женская красота и как Рогожин был бит своим отцом за то, что купил Настасье Филипповне бриллиантовые «подвески». Рогожин этим рассказом будто вводит героиню в роман. Еще несколько страниц, и князь Мышкин видит ее лицо на фотографии — портрет свой она подарила Гане Иволгину. «Удивительное лицо!.., и я уверен, что судьба ее не из обыкновенных. Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а?»

Достоевский — мастер экспозиции. В следующей главе, чтобы объяснить некоторую напряженность в доме генерала Епанчина, он рассказывает, как сблизился с этим генералом некто Тоцкий, человек лет пятидесяти пяти, «изящного характера, с необычайной утонченностью вкуса». Тоцкий хотел было посвататься к одной из генеральских дочерей, однако тут был «один мудреный и хлопотливый случай, из-за которого все дело могло расстроиться безвозвратно». Так под видом «хлопотливого случая», мешающего богатому человеку хорошо жениться, появляется в Петербурге женщина по имени Настасья Филипповна. В коротком (всего на одну страницу) рассказе Достоевский умещает всю ее жизнь. Оказывается, Тоцкий взял когда-то на воспитание двух девочек-сироток (младшая вскоре умерла от коклюша) и, живя за границей, совсем забыл о них, а потом, спустя годы, увидел в своем деревенском доме «прелестного ребенка, девочку лет двенадцати, резвую, милую, умненькую и обещавшую необыкновенную красоту». Воспитание ее приняло «чрезвычайные размеры». Не ведая, что ее ждет, девочка училась языкам, музыке и рисованию, в то время как Тоцкий терпеливо поджидал, пока этот бутон не раскроет все свои благоухающие лепестки. Дождавшись, он пожаловал собственной персоной и с тех пор «как-то особенно полюбил ту глухую свою деревеньку, заезжал каждое лето... И так прошло довольно долгое время, года четыре, спокойно и счастливо, со вкусом и изящно». Это «спокойствие» Достоевский внезапно взрывает. До деревеньки дошел слух, что Тоцкий в Петербурге собирается жениться. И тут Настасья Филипповна обнаружила характер необыкновенный. Она бросила свой деревенский домик, явилась в Петербург к Тоцкому, и тот понял, что перед ним совершенно другая женщина. Она хохотала, излагая ему, что, кроме глубочайшего презрения, ничего к нему не испытывает, а приехала, чтобы не позволить ему жениться — «ну хоть для того, чтобы мне только посмеяться над тобой вволю». И Тоцкий понял, что теперь имеет дело «с существом совершенно из ряда вон».

Героиней романа Достоевский делает женщину, которой движет «ненасытимое чувство презрения, совершенно выскочившее из мерки». Эта женщина для Тоцкого безвредна в смысле «юридическом», но готова самое себя погубить безвозвратно и безобразно, лишь бы надругаться над своим обидчиком. Тоцкий в петербургском окружении Настасьи Филипповны не один, он только богаче других, умнее и осторожнее. Генерал Епанчин и Ганя Иволгин — еще два участника интриги, которая ведется вокруг женщины. Ею торгуют, ее перекупают. На свой день рождения она собирает всех, кто хочет ее купить. Генерал Епанчин, имея свои дальние планы, принес ей роскошный жемчуг. Ганя Иволгин явился, зная, что ему продают женщину, а он клятву дал «доехать» ее, когда купит. И наконец, Настасья Филипповна ждет Рогожина, который поднял ей цену с восемнадцати тысяч до ста.

Все собравшиеся на этот невероятный день рождения преступают какую-то черту — совершают скверность или преодолевают желание ее совершить. Настасья Филипповна

сознает, что, чем бы тут ни торговали, торгуют ею. И в момент отчаяния вместо себя предлагает другой объект внимания — бросает в огонь пачку денег, принесенных Рогожиным, и искушает Ганю бредовым соблазном: «Вытащишь — твоя».

Когда-то Тоцкий удивлялся, как дешево досталась ему эта «нежившая душа». Теперь эта душа оживает и подымает мятеж. В пламени этого мятежа все выглядят ничтожными. Все — кроме князя Мышкина. Он один, плохо разбираясь в происходящем, видит, что перед ними — живая, страдающая душа. «Вы страдали и из такого ада чистая вышли...» — это момент понимания, доступный лишь сверхпроницательному князю.

Чувство стыда в Настасье Филипповне обострено настолько, что другим это совсем непонятно, разуму недоступно. Отсюда версия, что она сумасшедшая. Иногда это мерещится даже князю. Он самому себе боится сказать, отчего такой гипнотической силой повлекла его за собой женщина. «Она помешанная», — не один раз повторяет князь, то отводя от Настасьи Филипповны суждения толпы, то ужасаясь своей мысли.

Достоевский оставляет внутренний мир героини закрытым. Мы узнаем о нем только по тому, как судят эту женщину другие. Какие-то детали («точки», как говорил Достоевский) намекают на характер и на образ жизни героини. Например, лицо, каким его видит Мышкин на портрете, или постоянно повторяемые ею слова о том, что Рогожин ее зарежет (первым про это сказал князь Мышкин, еще не видя Настасьи Филипповны). Или еще подробность — роман Флобера «Мадам Бовари», который князь, разыскивая Настасью Филипповну, нашел в ее комнате.

Настасья Филипповна — это красота, не дающаяся никому в руки. Ее невозможно присвоить, и на страсть Рогожина она не отвечает, хотя и понимает, что этот человек — единственный, кто любит ее и ради нее пойдет на все. Она мечется от Рогожина к Мышкину, от Мышкина к Рогожину, придумывает для князя свою форму счастья, толкает его к Аглае и обещает Рогожину повенчаться, когда князь женится на Аглае. Ей нужно, чтобы в любви князя не было жертвенности, а было бы молодое и чистое счастье. Обостренным слухом она схватывает какие-то слова и интонации Мышкина, которые убеждают ее в собственной правоте: да, конечно, он любит Аглаю. Но достаточно получасового свидания двух женщин, чтобы всякая надежда на мир распалась и рассеялась. Встреча эта написана Достоевским как поединок. Два его свидетеля — князь и Рогожин, а сражаются две женщины. У них все разное — судьбы, социальное положение, даже ненависть. Аглая ненавидит соперницу, и это обычное женское чувство. Настасья Филипповна в Аглае ненавидит «чистенькую». Одна женщина — огромной внутренней силы, темперамента и опыта страданий. Другая — девчонка перед ней, очень живая и живучая. Идет яростная борьба за князя. У Аглаи своя бессознательная цель — не пустить Настасью Филипповну туда, где уже принят князь, указать «беспутной» ее место. А «беспутная» верит только в Мышкина, больше ей верить не во что. И от того, уйдет ли князь вместе с Аглаей или останется, зависит все. Князь метнулся к дверям. «За ней? За ней?» — и Настасья Филипповна без чувств упала ему на руки. Тут Достоевский первый раз дает мизансцену, которой чуть позже закончит роман. В финале князь утешает Рогожина, а тут — Настасью Филипповну

Как сказал Достоевский в «Идиоте», «причины действий человеческих обыкновенно бесчисленно сложнее и разнообразнее, чем мы их всегда потом объясняем». И сам он под финал ограничивается «простым изложением событий», связанных с Настасьей Филипповной, не уклоняясь, правда, от невероятного толкования этих событий в слухах и сплетнях. Настасья Филипповна торопила свадьбу, князь подчинился, но из-под венца невеста сбежала — бросилась опять к Рогожину с криком «Спаси меня!» Она бежала прямо на «нож» и знала это. Ее панические слова о том, что нужно скрыться в Москве, в Орле, Рогожин прекращает ударом ножа — того самого ножа, которым была заложена книга «История России...».

Роман Достоевского много раз инсценировался и экранизировался во всем мире. На первые пьесы, написанные на основе романа, был наложен цензурный запрет.

«Пессимистический взгляд на жизнь и общество Достоевского проявляется ярче, усугубляется при подаче его творениям драматической формы и делает из них какой-то сплошной протест против существующего общества» — таково было заключение цензора. Но в 1899 постановка «Идиота» была разрешена. В Малом театре роль Настасьи Филипповны исполнила М. Ермолова; в Александринском — М. Савина. В 1920–50-е эту роль играли Е. Гоголева, В. Пашенная, Е. Тиме, Ю. Борисова.